

А
Андре Жид

Имморалист

Повесть

Перевод *А. Радловой*

Андре Жид. Избранные произведения

М., "Панорама", 1993

OCR Бычков М. Н.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выдаю эту книгу за то, что она есть. Это плод, полный горького пепла; она подобна колоковникам пустыни, которые растут на сожженной почве и лишь сильнее разжигают жажду, но на золотых песках не лишены красоты.

Если бы я вздумал выдать своего героя за образец, надо было бы признать, что это мне плохо удалось; те немногие, которые заинтересовались историей Мишеля, возненавидели его всей силой своей доброты. Я недаром украсил Марселину столькими добродетелями; Мишелю не могли простить, что он не предпочел ее себе.

Если бы я вздумал выдать эту книгу за обвинительный акт против Мишеля, это мне удалось бы не лучше, так как никто не почувствовал ко мне благодарности за негодование, которое вызывал к себе мой герой; кажется, что это негодование испытывали вопреки моему намерению; с Мишеля оно переливалось на меня; еще немного -- и меня смешали бы с ним.

Но я не хотел делать эту книгу ни обвинительным актом, ни похвальным словом -- и воздержался от суда. Теперь публика уже больше не прощает автору, если он, описав какой-нибудь поступок, не высказывается ни за, ни против него; даже больше -- хотели бы, чтобы в течение самой драмы он стал на чью-либо сторону, определенно высказался бы за Альцеста или Филинта, за Гамлета или Офелию, Фауста или Маргариту, Адама или Иегову. Разумеется, я не утверждаю, что нейтральность (я чуть было не сказал: нерешительность) есть знак великого ума; но я думаю, что многие великие умы испытывали отвращение к... выводам и что правильно поставить проблему не значит считать ее заранее разрешенной.

Я против желания употребляю слово "проблема". По правде сказать, в искусстве нет проблем, достаточным разрешением которых не было бы само произведение искусства.

Если под словом "проблема" подразумевать "драму", я скажу, что драма, которая описывается в этой книге, несмотря на то, что она разыгрывается в душе моего героя, достаточно обща, чтобы не оставаться замкнутой в единичной истории Мишеля. Я не притязаю на изобретение этой "проблемы"; она существовала до моей книги, и, торжествует или гибнет Мишель, "проблема" продолжает существовать, и автор не приписывает себе ни торжества, ни поражения.

Если некоторые тонкие умы усмотрели в этой драме только описание странного случая, а в герое только больного человека; если они не признали, что несколько очень насущных и общеинтересных мыслей могут заключаться в ней,-- в этом не виноваты ни мысли, ни драмы, но лишь сам автор, то есть его неловкость -- несмотря на то, что он вложил в эту книгу всю свою страсть, все слезы и все старания. Но реальная значительность произведения и интерес к нему публики нынешнего дня -- вещи совершенно различные. И я думаю, что без особенного сомнения можно предпочесть опасность в первый день не заинтересовать вещами, воистину интересными,-- тому, чтобы привести в кратковременный восторг публику, лакомую до безвкусицы.

В общем, я не пытался ничего доказать, а лишь хорошо живописать и правильно освещать свою живопись.